

ОПОСРЕДОВАННАЯ СВЯЗЬ УРОВНЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У ПОДРОСТКОВ

Н. Е. Харламенкова

Проверяется гипотеза о связи уровня психосоматического напряжения с интенсивностью психологических защит. Показано, что уровень напряжения зависит от темпов полового созревания и индивидуальных особенностей подростков. Обнаружено, что прямая связь между напряжением и защитами отсутствует, это объясняется опосредованным характером такой зависимости. В качестве опосредующего звена исследуется реализация напряжения в форме фрустрированной потребности и корреляция степени фрустрации потребности с интенсивностью психологических защит.

Ключевые слова: психологические защиты, внутреннее напряжение, подростковый возраст, фрустрация.

В настоящей работе продолжено исследование психологических защит у подростков, начатое аспиранткой ГУГН А. В. Соловьевой под руководством автора статьи. В первой части обобщаются данные, которые были получены в ходе совместного исследования связи уровня напряжения и психологических защит подростков, обозначаются нерешенные проблемы; во второй части статьи анализируются и обсуждаются результаты собственного исследования, направленного на проверку новых гипотез.

Начало исследования проблемы психического развития подростка было положено формулировкой довольно простой *гипотезы*, согласно которой интенсификация психологических защит в период пубертата сопряжена с усилением внутреннего напряжения, вызванного рассогласованием между физическим и психическим статусом подростка (Харламенкова, Соловьева, 2006; Харламенкова,

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-06-00273а).

Соловьева, 2007). Доказательством того, что такая зависимость действительно существует, выступали, во-первых, различия в уровне напряжения и психологических защит у подростков разного пола, во-вторых, особенности напряжения и защит у подростков с разными темпами полового созревания и, в-третьих, сопоставление динамики напряжения и психологических защит в течение определенного (наиболее острого) периода подросткового возраста.

Все три аспекта сравнения были представлены в лонгитюдном исследовании, проведенном на одной и той же группе подростков 12–14 лет с нормальным уровнем полового развития. Первое тестирование – 53 девочки и 43 мальчика (средний возраст – 12 лет); второе тестирование – 52 девочки и 43 мальчика (средний возраст – 13 лет); третье тестирование – 50 девочек и 41 мальчик (средний возраст – 14 лет). Группу с отсутствием вторичных половых признаков представляла выборка девочек ($n = 25$) с аномальным половым развитием (синдром Шерешевского–Тернера) в возрасте 11–15 лет. Девочки с синдромом Шерешевского–Тернера характеризуются задержкой формирования вторичных половых признаков, вызванной хромосомными аномалиями (отсутствием одной X-хромосомы в кариотипе).

Для диагностики уровня напряжения и психологических защит применялись проективные методики: Тематический апперцептивный тест (ТАТ) Г. Мюррея и тест «Рисунок человека» К. Махвер. Анализ рассказов ТАТ осуществлялся по оригинальной схеме, которая включала целый ряд выделенных и апробированных нами критериев, направленных на диагностику защит. Определение уровня психосоматического напряжения осуществлялось с помощью проективной методики «Рисунок человека» К. Махвер. Для этого применялись стандартные диагностические показатели, также выделенные нами по соответствующей литературе (Беллак, 2000; Венгер, 2005; Махвер, 1996). Статистический анализ проводился с учетом трех факторов: возраста, биологического пола подростков и наличия/отсутствия вторичных половых признаков. Для определения значимых различий между группами и связи между признаками применялись непараметрические методы: критерий Манна–Уитни (U) для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, критерий Уилкоксона (W) для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях в одной и той же выборке испытуемых, угловое преобразование Фишера (ϕ^*) для сопоставления двух выборок по частоте встречаемости признака, коэффициент ранговой корреляции Спирмена R_s для определения тесноты (силы) и направления корреляционной

связи между двумя признаками или двумя профилями (иерархиями) признаков; кластерный анализ (K-means clustering) для проведения разбиения выборки на кластеры по n признакам.

Результаты показали, что у девочек с нормальным половым развитием самый высокий уровень психосоматического напряжения приходится на 12–13-летний возраст ($med = 4$), а у мальчиков – на 13–14-летний возраст ($med = 4,5$). Уровень напряжения у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера одинаково невысок во всех трех возрастах ($med = 3$). В результате сравнения трех групп подростков оказалось, что значимые различия наблюдаются между девочками с синдромом Шерешевского–Тернера, с одной стороны, и 12-летними девочками и 14-летними мальчиками с нормальным половым развитием, с другой стороны.

Анализ психологических защит проводился по двум критериям: уровень профиля защит (высокий, средний, низкий) и специфика защит.

Для проверки предположения об изменении профиля защит в зависимости от пола, возраста и полового созревания подростков отдельно сравнивали профиль защит у девочек, мальчиков и подростков с синдромом Шерешевского–Тернера в разных возрастах. С помощью кластерного анализа вся выборка в каждом возрасте делилась на три кластера (с высоким, средним и низким уровнем профиля защит). После этого определяли процент девочек (с нормальным и аномальным половым развитием) и мальчиков в каждом кластере. Оказалось, что у девочек высокий уровень защит приходится на возраст 12 и 13 лет, между которыми не наблюдается различий ($\phi = 1,01$, $p > 0,05$), средний – на 13 лет, а низкий – на 14 лет. Безусловно, речь шла об усредненных данных по выборке девочек, в которой отмечаются случаи с разными темпами полового созревания. Однако в целом общая тенденция представлялась достаточно ясной и очевидной.

У мальчиков явно выраженная связь между возрастом и высоким уровнем профиля защит отсутствовала. Основная динамика наблюдалась по среднему и низкому уровню защитного профиля. Значительное число мальчиков со средним профилем защит приходилось на возраст 12 и 14 лет. Низкий уровень защит отмечался во всех трех возрастах. Было показано, что он имеет наибольший вес по сравнению с высоким и средним уровнем защит и, по всей видимости, характеризует мужское поведение в период пубертата. Наибольший процент мальчиков с низким уровнем защит отмечался в возрасте 13 и 14 лет, между которыми отсутствовали значимые различия ($\phi = 1$, $p > 0,05$).

Сравнение девочек и мальчиков с нормальным половым развитием с девочками с синдромом Шерешевского–Тернера показало, что во всех трех возрастах девочки с отклонением в половом развитии в 90% случаев от всего объема этой части выборки представляют кластер с низким уровнем профиля защит.

Для определения специфики психологических защит сопоставлялись профили конкретных механизмов: отрицания, проекции, рационализации, реактивного образования, регрессии, компенсации, подавления, замещения и изоляции у мальчиков и девочек в трех изучаемых возрастах.

Особый интерес представляли результаты сравнения девочек и мальчиков, раскрывающие особенности мужского и женского поведения в ответ на возрастание уровня психического напряжения. У девочек снижение напряжения было сопряжено со снижением профиля психологических защит, в котором были наиболее выражены изоляция, проекция и отрицание. В 12 лет половые различия выявлялись по проекции, реактивному образованию, компенсации и подавлению. Во всех четырех случаях уровень защит девочек оказывался выше, чем у мальчиков. Самые высокие показатели по механизму изоляции оставались стабильно независимыми от пола подростка на протяжении 12–14 лет. В 13 лет различия между мальчиками и девочками становились слабее и обнаруживались только по проекции и реактивному образованию. По данным исследования оказалось, что в 14 лет, т. е. в период наибольшего психосоматического напряжения у мальчиков, половые различия в защитах стираются. Обсуждая полученные результаты, мы отмечали, что динамика напряжения и психологических защит у девочек довольно естественна: она отражает функциональную направленность защитных возможностей, которая выражается в снятии лишнего напряжения и чувства тревоги. Однако у мальчиков подобная тенденция не прослеживается, а связь напряжения и психологических защит инвертируется. Оказалось, что у них изменение уровня напряжения существенно не отражается на динамике психологических защит. Она относительно стабильна. Обсуждая и комментируя полученные данные, мы пришли к выводу, что психическое функционирование девочки связано со стремлением к редукции напряжения и к установлению относительного комфорта. Напротив, поведение мальчика сопровождается кумуляцией и удержанием напряжения, переживанием состояния дискомфорта. В профиле защит так же, как и у девочек, доминируют изоляция, проекция и отрицание. Думается, что такое соотношение напряжения и защит у мальчиков характеризует особенности прохождения ими пубертатного возраста.

Сравнение девочек/мальчиков с группой девочек с синдромом Шерешевского–Тернера выявило, что в 12 и 13 лет различия между ними касаются практических всех (кроме рационализации) изучаемых защит, причем к 13 годам они еще больше нарастают. Между девочками с синдромом Шерешевского–Тернера и мальчиками различия стабильны и проявляются при сравнении отрицания, проекции, реактивного образования, регрессии, компенсации и изоляции. К 14 годам количество различий снижается за счет того, что у девочек группы нормы снижается и уровень напряжения и, соответственно, уровень психологических защит, а у мальчиков снижаются только защиты, при этом профиль защит у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера остается неизменным. Между девочками отмечаются различия в отрицании, проекции, реактивном образовании и изоляции, а между девочками с синдромом Шерешевского–Тернера и мальчиками – в отрицании и реактивном образовании. Иными словами, уровень напряжения и защит у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера остается стабильно низким и снижение к 14 годам различий в защитах вызвано закономерной динамикой напряжения у девочек и мальчиков с нормальным половым развитием и одновременно с отсутствием подобной динамики у девочек с аномалиями полового развития.

Высказывалось соображение, что стабильность напряжения и защит у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера вызвана отсутствием ожидаемого в этот период развития естественного пубертатного скачка, который косвенно влияет на рассогласование между интенсивно меняющимся внешним обликом, социальными ожиданиями и представлениями о себе. Динамика различий между девочками с нормальным половым развитием и девочками с аномалиями развития показывает, что в этих двух группах во всех трех возрастах стабильно неодинаковы проекция, реактивное образование и изоляция, которые по профилю выше у девочек группы нормы. Было показано, что в 13 лет обнаруживается интересная закономерность, которая определяет специфику изучаемой нами уникальной группы девочек. Она состоит в том, что в их профиле появляется механизм отрицания, который статистически значимо отличается от аналогичного механизма у девочек без отклонений ($U = 378,5$, $p = 0$) и мальчиков ($U = 372$, $p = 0,001$). Механизм отрицания доминирует в профиле защит девочек с синдромом Шерешевского–Тернера и направленно определяет его специфику. Она состоит в том, что негативная информация преимущественно игнорируется и отвергается без какой-либо когнитивной переработки. С точки зрения психоаналитиков, отрицание является предвестником вытеснения.

Серьезный интерес вызвали результаты, согласно которым у девочек и у мальчиков группы нормы ведущим защитным механизмом оказывается изоляция как стремление к отделению репрезентации от ее аффекта. Так же, как и отрицание, изоляция появляется там, где вытеснение недостаточно, однако особенность изоляции состоит в том, что в этом случае репрезентация может остаться на уровне сознания, поскольку она оказывается там оторванной от любых ассоциативных связей (Бержере, 2001). С этой точки зрения, особенности выборки с нормальным половым развитием по сравнению с выборкой с аномалиями развития можно рассматривать как доказательство наиболее высокого уровня функционирования девочек/мальчиков, переживающих пубертатный скачок, который, вызывая дополнительное напряжение, позволяет им изменять особенности защиты Эго от тревоги. Дополнительным аргументом в пользу этого утверждения является наличие разнообразия в защитном профиле девочек и мальчиков, которые, кроме изоляции, актуализируют проекцию, рационализацию и подавление. Возможности девочек с синдромом Шерешевского–Тернера остаются ограниченными.

Устойчивые различия между девочками и мальчиками с нормальным развитием по механизмам проекции и реактивному образованию в возрасте 12 и 13 лет показали, что репертуар защит девочек более разнообразен и может быть актуализирован в разных ситуациях, с одной стороны, предполагающих перенос негативных переживаний на внешние объекты, с другой – изменение знака эмоции, т. е. оценочное инвертирование неприятных ощущений.

Продолжение исследования и, соответственно, формулировка новых гипотез были обусловлены тем, что основная гипотеза первого исследования, согласно которой интенсификация психологических защит в период пубертата сопряжена с усилением внутреннего напряжения, вызванного рассогласованием между физическим и психическим статусом подростка, не нашла непосредственного подтверждения. Дело в том, что целый ряд данных действительно указывал на верификацию первой гипотезы, среди которых можно отметить следующие: наличие динамики психосоматического напряжения в период с 12 до 14 лет у девочек и у мальчиков, низкий уровень напряжения у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера в течение всего обследуемого периода, возрастной сдвиг в уровне напряжения у мальчиков по сравнению с девочками, разница в уровне психологической защищенности у девочек и мальчиков основной группы по сравнению с группой девочек с аномалиями полового развития, динамика психологических защит у нормально развивающихся девочек и мальчиков. Наряду с этим не было

установлено прямой связи между уровнем психологических защит и уровнем психосоматического напряжения; обнаружено, что у мальчиков в период 13/14 лет происходит повышение уровня психосоматического напряжения, а профиль защит, наоборот, снижается; не выявлено особой динамики напряжения и защит у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, находящихся на лечении. Все эти вопросы привели к переосмыслению результатов и изменению модели исследования.

В современных психоаналитических работах перманентно возникают дискуссии относительно природы человека; пересматривается один из основных тезисов классического психоанализа о том, что «межличностные отношения и продуктивность человека детерминированы потребностью справляться с напряжением, создаваемым влечениями и защитами от них» (Саммерс, 2007, с. 40). Вместо этого утверждается, что либидо нуждается скорее в объекте, чем в удовольствии, поэтому индивида, живущего по принципу немедленной редукции напряжения, следует рассматривать как психически неблагополучного, как типично хаотичную, дезорганизованную личность, у которой наблюдаются признаки психопатологии. Продолжая эту линию рассуждений, Фрэнк Л. Саммерс отмечает, что даже самые сильные аффекты, реализуемые в агрессивных и сексуальных конфликтах, не могут изучаться сами по себе, вне межличностных контекстов, тех, в которых они возникли и в которые погружены по настоящее время. Истоки конфликтов необходимо искать в межличностных, а с точки зрения теории объектных отношений – в ранних объектных отношениях с родителями, но не в «судьбе влечений», которая, согласно классическому психоанализу, зависит от реализуемости принципа получения удовольствия.

Вместе с тем вовсе отказываться от тезиса, согласно которому психосоматическое напряжение и психологические защиты связаны между собой, не следует, ведь известно, что для обеспечения оптимального уровня функционирования личность с необходимостью ограждает себя от избытка тревоги. Тем не менее пересмотреть, модифицировать этот тезис, безусловно, необходимо. Наши предположения состоят в том, что связь напряжения и защит гораздо сложнее, чем нам это представлялось в самом начале. Уровень и характер напряжения, контекст, в котором оно возникает, может вызывать, а может и не вызывать защитные реакции. Хорошо, например, известно, что оптимум мотивации способствует продуктивной самореализации, и его поддержание просто необходимо. Более того, в ряде случаев человек специально усиливает напряжение с целью актуализации латентных влечений. Обсуждая новые принципы

психоаналитической работы, М. Балинт пишет, что повышение напряжения позволяет «осуществить прорыв инстинкта», вызывает появление наиболее выразительных и ярких симптомов и последующее удовлетворение импульса, который до этого момента был вытеснен. Вследствие этого «происходит неожиданная перемена: возникает чувство успокоения, умиротворения, благополучия...» (Балинт, 2002, с. 176). Еще один очень важный аспект проблемы снижения/повышения напряжения связан с индивидуальными особенностями личности, которая может нуждаться в активации напряжения, вследствие его недостатка (например, экстраверт, для которого, по Г. Айзенку, типично слабое возбуждение ретикулярной формации и сильное влияние со стороны коры), либо, наоборот, ощущать его избыток (например, интроверт, для которого характерен высокий уровень активации ретикулярной формации и низкий уровень корковых влияний) (Русалов, 1992).

Особенности функционирования психологических защит, так же как и проблема напряжения, являются предметом постоянных дискуссий. Современные исследователи смещают акцент с того, *как* и *от чего* оберегает себя личность, на то, *что* она оберегает, поскольку интерпретация «предполагает раскрытие более аутентичных проявлений, чем сами защиты» (Саммерс, 2007, с. 52), т. е. тех проявлений, которые имеют отношение к потенциалу самости, к врожденным аффективным тенденциям. Формат и направленность статьи не позволяют нам остановиться на теме потенциала самости. У каждой личности он уникален, именно поэтому его экспликация может быть осуществлена только с помощью метода case study (разбора конкретного случая). Принимая во внимание эту сложность, необходимо обратиться к проблеме напряжения и построить такую исследовательскую модель, которая, во-первых, могла бы быть применена к некоторым универсалиям, т. е. к общим для всех случаев проявлениям изучаемых феноменов, а, во-вторых, была бы адекватна той реальности, которая является предметом нашего анализа – реальности подросткового развития.

Согласно исходной теоретической модели, в качестве условно независимой переменной был выбран фактор полового развития, в частности, формирование у подростка вторичных половых признаков. Уровнями этой переменной выступали наличие/отсутствие признаков полового созревания, которые оценивали по результатам анкеты, заполняемой подростками. В анкету, которую обсуждали с сотрудниками отделения гинекологии детского и юношеского возраста ГУ НЦАГиП РАМН, были включены вопросы, являющиеся ключевыми для определения уровня полового созревания. Следует

иметь в виду, что мы использовали более грубую по сравнению с профессиональными гинекологами шкалу, которая не позволяла так же, как это делают специалисты, дифференцированно делить подростков по степени развития вторичных половых признаков, например, по развитию молочной железы у девочек (врачи различают 5 стадий развития молочной железы от Ma_0 до Ma_4) или по появлению менструаций, которые врачами оцениваются по показателям от Me_0 – отсутствие месячных до Me_3 – регулярные месячные. Тем не менее, данных было достаточно, чтобы понять, что в отличие от девочек с аномалиями полового развития девочки/мальчики основной группы развиваются нормально. Особенность исследования состояла в том, что влияние независимой переменной оценивали в четырех контекстах. В первом сравнивали девочек/мальчиков основной группы с девочками с синдромом Шерешевского–Тернера, во втором сопоставляли девочек и мальчиков с нормальным половым развитием, в третьем – девочек группы норма с разным уровнем полового созревания и в четвертом – мальчиков с разным уровнем полового созревания. Основную трудность представлял первый и второй контексты, которые являлись основными. Проблема заключалась в том, что в первом контексте смешивались испытуемые с отсутствием вторичных половых признаков. Причинами задержки полового развития выступали дисгенезия гонад, т. е. наличие хромосомных аномалий, гетерохронное развитие, обусловленное полом испытуемых (девочки взрослеют раньше мальчиков), а также функциональные задержки вследствие индивидуальных особенностей организма. Во втором контексте исследований смешений было меньше: могли накладываться динамика, обусловленная полом, и темп полового созревания, детерминированный индивидуальными особенностями организма.

Учитывая то, что исследование проводилось по лонгитюдному типу, появлялась еще одна переменная «возраст», которую на самом деле следует интерпретировать не столько как отдельную побочную переменную, подобную переменной «пол»*, сколько как адекватный изучаемым явлениям фон, который позволяет за отдельными случаями обнаружить общие закономерности. Этот фон необходим, поскольку половое созревание девочек и мальчиков реализуется в разные сроки на значительном возрастном пространстве, называемом пубертат, в среднем разворачиваемом в возрастном диапазоне от 10 до 15 лет. При этом нужно принимать во внимание и тот факт, что в 1977 г. экспертами ВОЗ с учетом сроков сомати-

* Известно, что в психологии с целью контроля за внутренней валидностью исследования принято уравнивать группы по полу и возрасту.

ческого, психического и социального созревания было внесено предложение считать подростками лиц в возрасте 10–20 лет, что значительно расширяет пространство, на котором можно наблюдать интересующее нас явление – динамику психологических защит при рассогласовании физического и психического статуса подростка. Понимая, что между 13–15-летними и 17–20-летними девушками и юношами, разница в возрасте означает и разницу в социальном статусе, мы все-таки предпочли ограничиться возрастным периодом 12–15 лет. Девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, не находящихся на заместительной гормональной терапии, с одной стороны, рассматривали как группу с неизменно низким уровнем полового созревания, как фон, на котором можно наблюдать динамику напряжения и защит у нормально развивающихся подростков, а с другой стороны, считали эту группу вариантом доподросткового развития, поскольку по литературе у них наблюдается отставание биологического (костного) возраста от календарного на 2–7 лет, отмечаются явления инфантилизма (Гуркин, 2000; Райская, Ростягайлова, 1970; Ross, Zinn, McCauley, 2000).

При реализации исходной модели исследования, кроме особенностей, связанных с выбором независимой переменной, возникли трудности с проверкой гипотезы о непосредственной связи уровня психосоматического напряжения, который увеличивался при рассогласовании физического и психического статуса подростка, и уровня психологических защит. Мы отмечали, что, по всей вероятности, возникшие в ходе исследования проблемы, были вызваны и смешением нескольких групп испытуемых с отсутствием вторичных половых признаков, и неправдоподобной гипотезой о непосредственной связи уровня психосоматического напряжения и уровня психологических защит подростка.

Принимая во внимание все перечисленные трудности, которые были обнаружены в начале исследования, мы предлагаем новую модель динамики напряжения и психологических защит подростков в период пубертата. Суть этой модели заключается в следующем. Формирование вторичных половых признаков является вероятным условием повышения уровня психосоматического напряжения. Иными словами, если раньше мы считали, что формирование вторичных половых признаков приводит к возрастанию уровня напряжения, а оно, в свою очередь, повышает уровень защит, то теперь мы рассматриваем эти взаимосвязи только как возможные. Это значит, что в процессе полового созревания напряжение может как возрастать, так и оставаться стабильным, точно так же и уровень защит может как меняться, так и не меняться вследствие увеличения напряжения.

Опосредствующие связи между половым созреванием и напряжением, а также между напряжением и уровнем защит поддерживаются тем, способен ли подросток эксплицитно напряженное состояние, «свободно плавающую» тревогу (Кернберг, 2000) и представлять ее в виде очевидного конфликта. В статье «Компенсация и ее особенности при аномалиях полового развития», которая находится в печати, мы попытались реализовать эту идею при изучении компенсаторных механизмов у девочек/девушек с наличием или отсутствием проблем, связанных с формированием вторичных половых признаков. Основываясь на известных данных, согласно которым неявный физический дефект способен вызвать сложные компенсаторные реакции, и наоборот, серьезный физический недостаток может не стать причиной интенсивных компенсаций, мы ссылались на работы А. Адлера, который писал, что стимулирующая роль дефекта определяется, прежде всего, значительностью переживаний человека по поводу своей неполноценности. Сформулированная в ходе исследования гипотеза о том, что появление компенсаторных реакций вызвано не самим по себе физическим недостатком, а степенью осознания проблемы и ее переживания в виде чувства неумелости, неполноценности, была подтверждена.

Для того чтобы понять, чем опосредуется связь напряжения и защитных механизмов, была изменена процедура анализа результатов, сформулированы новые гипотезы.

В качестве *первой гипотезы* выдвигалось предположение о том, что динамика напряжения в возрасте 12–15 лет определяется темпами полового созревания и индивидуальными особенностями подростков. С этой целью сравнивали подростков с нормальным половым развитием и девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, а также девочек и мальчиков, реализуя при этом новую процедуру анализа результатов.

Во *второй гипотезе* нашло отражение положение, согласно которому связь между напряжением и защитами неоднозначна и может быть опосредована такими процессами, которые обеспечивают определенную степень проработанности внутреннего напряжения через его символизацию в виде переживания состояния фрустрации.

К описанию выборки и методов исследования, которые фиксировали уровень психосоматического напряжения (тест «Рисунки человека» К. Махвер) и психологические защиты – отрицание, проекцию, реактивное образование, рационализацию, регрессию, компенсацию, подавление, замещение и изоляцию (ТАТ Г. Мюррея), представленные в самом начале статьи, была добавлена особая процедура работы с рассказами, составленными по таблицам ТАТ. Она

состояла в том, что по каждой таблице для каждого испытуемого фиксировали 1) потребности* персонажа, фигурирующего в рассказе, и 2) степень фрустрированности потребностей.

Для проверки первой гипотезы, учитывая ранее полученные данные о низком уровне напряжения у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, сравнили динамику напряжения в группах девочек и мальчиков с нормальным половым развитием на фоне отсутствия такой динамики у девочек с аномалиями развития. Оказалось, что различия между мальчиками и девочками статистически значимы во всех трех возрастах: в 12 лет ($U = 851, p = 0,049$), в 13 лет ($U = 592, p = 0,01$) и в 14 лет ($U = 135, p = 0,03$), причем в 12–13 лет уровень напряжения выше у девочек, а в 14 лет – у мальчиков. На фоне интенсивной динамики была сделана попытка установить прямую связь между напряжением и защитами отдельно у девочек и мальчиков в 12, 13 и 14 лет. Если учесть, что просчитывали связи между всеми 9 защитами и напряжением у подростков разного пола в трех возрастах, теоретически можно было бы выявить 54 зависимости между напряжением и конкретными защитами. Однако была обнаружена только одна из всех возможных корреляций – между напряжением и отрицанием у 14-летних девочек.

Для дальнейшей проверки гипотез был осуществлен переход к новой процедуре анализа результатов. С этой целью результаты, полученные по психосоматическому напряжению у девочек и мальчиков в 12, 13 и 14 лет, были объединены в одну матрицу и проведен кластерный анализ данных. Выделенные три кластера позволили разбить всю выборку нормально развивающихся подростков на три группы с разной динамикой напряжения (рисунок 1). В первую группу (кластер) вошли преимущественно девочки (62%) и часть мальчиков (26%), динамика напряжения которых типична для женской выборки: пик напряжения приходится на 12 лет, затем оно значимо снижается, а к 14 годам возрастает, не достигая уровня 12 лет. Различия между всеми возрастными группами значимы; при этом различия между мальчиками и девочками внутри данной группы отсутствуют в 12, 13 и 14 лет. Во вторую группу (типично мужскую) вошли преимущественно мальчики (53%) и часть девочек (20%): пик напряжения приходится на 14 лет. Различия по напряжению так же значимы между всеми возрастными группами. Разница между мальчиками и девочками внутри группы отмечается только в 13 лет. Третья группа не специфична по полу и, скорее всего, включает подростков с типично высоким для ребенка уровнем тревожности, который

* Для оценки потребностей использовали классификацию, предложенную Г. Мюрреем.

стабилен во времени и не зависит от темпов полового созревания. Различия между мальчиками и девочками получены в возрасте 14 лет, причем показатели девочек идентичны уровню напряжения в этом же возрасте у девочек первой группы, а показатели мальчиков идентичны уровню напряжения мальчиков второй группы так же в 14 лет.

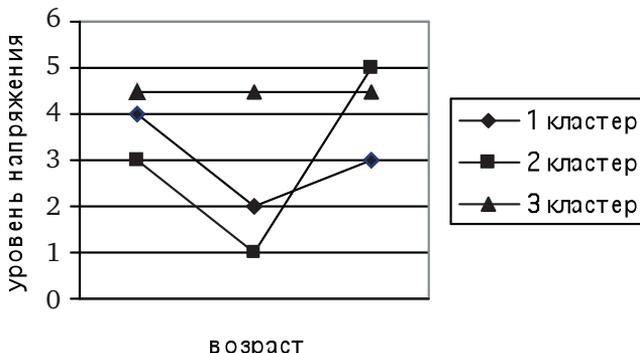

Рис. 1. Динамика напряжения по кластерам

Учитывая полученные нами результаты, следует отметить, что уровень напряжения подростка определяется не только темпами полового созревания, но и индивидуальными особенностями ребенка, его прошлым опытом и опытом ранних объектных отношений. В связи с этим наиболее чувствительными к процессам, происходящим в период пубертата, становятся подростки с пластичной личностной организацией (кластер 1 и кластер 2). Дети со стабильно высоким уровнем тревоги закрыты для нового опыта (кластер 3). Пересмотрев принципы сравнения подростков по критерию напряжения и получив новые результаты, мы можем говорить о том, что на фоне стабильно низкого уровня психосоматического напряжения у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера, выделяются группы, с одной стороны, с типичной для девочек, а с другой – с типичной для мальчиков динамикой напряжения в период пубертата. Учитывая этот факт, мы сделали еще одну попытку проверить гипотезу о непосредственной связи напряжения и психологических защит, проследив динамику защитных механизмов в каждом кластере в период с 12/13 до 14/15 лет. Снижение интенсивности защитного поведения в первом кластере (в преимущественно женской группе) было обнаружено по механизмам отрицания и регрессии в период с 12 до 13 лет, по механизмам подавления и замещения в период с 13 до 14 лет. Во втором кластере (в преимущественно мужской группе) динамика почти не наблюдалась: получены различия по ре-

грессии в возрасте от 12 до 13 лет. В третьем кластере, где уровень напряжения оставался стабильно высоким, интенсивность защит также не менялась. Иными словами, связь напряжения и защит не прослеживалась.

На этом этапе исследования была сформулирована новая гипотеза о том, что напряжение и защиты не могут быть связаны непосредственно, поскольку для запуска защитных механизмов необходимо осуществить трансформацию «свободно плавающей тревоги» в виде определенных потребностных состояний. С этой целью были проверены связи между количеством потребностей, выделяемых по рассказам ТАТ и психологическими защитами. Для этих целей нами был выбран только первый срез данных – 12 лет.

Корреляционный анализ показателей, проведенный на всей выборке, позволил выяснить, что количество потребностей и уровень защитного поведения связаны только в одном случае из 9 возможных (таблица 1).

Таблица 1

Связь количества потребностей и психологических защит
на всей выборке в 12 лет

№	Количество потребностей	R _s	p-level
	Защиты		
1	отрицание	-0,03	0,8
2	проекция	0,18	0,1
3	рационализация	0,43	0*
4	реактивное образование	0,13	0,2
5	регрессия	0,21	0,07
6	компенсация	0,05	0,7
7	подавление	0,04	0,7
8	замещение	0,11	0,4
9	изоляция	0,08	0,5

Примечание: * Связь статистически значима

Отсутствие связей между потребностями и защитами, по-видимому, объясняется тем, что степень осознания внутреннего напряжения недостаточно полно реализуется в объяснении подростком мотивов своих поступков, прежде всего потому, что при работе с ТАТ чаще всего выявляются латентные потребности, приписываемые персонажу. Мы предположили, что если количество обозначенных в рассказах потребностей не эквивалентно степени проработанности проблемы, то фрустрация потребности может способствовать осознанию своих желаний и «канализировать» напряжение. В связи

с этим и была сформулирована вторая гипотеза исследования. Она состоит в том, что связь между напряжением и защитами неоднозначна и может быть опосредована такими процессами, которые обеспечивают определенную степень проработанности внутреннего напряжения через его символизацию в виде переживания состояния фрустрации.

Для проверки этой гипотезы был проведен корреляционный анализ между уровнем конкретными защит и уровнем фрустрированности потребности (таблица 2).

Таблица 2

Связь уровня фрустрированности потребностей
и психологических защит на всей выборке в 12 лет

№	Уровень фрустрированности	R_s	p-level
	защиты		
1	отрицание	0,02	0,9
2	проекция	0,31	0,01*
3	рационализация	0,35	0,02*
4	реактивное образование	0,23	0,04*
5	Регрессия	0,39	0*
6	Компенсация	0,33	0,005*
7	Подавление	0,08	0,5
8	Замещение	0,28	0,01*
9	Изоляция	0,07	0,6

Примечание: * Связь статистически значима

Результаты статистической обработки данных подтвердили наши предположения о том, что для реализации защитного поведения необходим не сам по себе высокий уровень психосоматического напряжения, а его символизация в виде конкретной проблемы, в частности, в виде осознания потребностного состояния через переживание его фрустрации. Формулировка и проверка данной гипотезы явились результатом длительного поиска факторов, опосредующих связь между уровнем напряжения и интенсивностью защитного поведения, именно поэтому анализ этой связи только в период 12 лет следует рассматривать в качестве первого шага в исследовании проблемы психосоматического напряжения и психологических защит в контексте проблемы потребностей подростка (вариативности, интенсивности, объема) и степени их фрустрированности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что повышение уровня фрустрированности потребностей приводит к интенсификации

фикации защитного поведения в виде актуализации проекции, рационализации, реактивного образования, регрессии, компенсации и замещения. Такие механизмы, как отрицание, подавление и изоляция, не связаны с уровнем фрустрированности потребностей. Для изучения особенностей функционирования этой группы защит необходим специальный, более детализированный анализ проблемы и, соответственно, продолжение поиска связей фрустрированности потребностей и защит у 14-и 15-летних подростков и далее – у юношей/девушек.

Интерпретация результатов

Продолжение исследования, начатого с целью проверки гипотезы о связи психосоматического напряжения и психологических защит, было вызвано отсутствием данных о подтверждении сформулированной гипотезы при наличии очевидных сведений о том, что половое созревание вносит существенный вклад в развитие неравновесных состояний и, как следствие, в усиление защитных психических ресурсов. Отдельно наблюдалась и динамика психического напряжения, и изменение профиля защит на фоне стабильности уровня напряжения, и низкого уровня профиля защит у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера. Были получены результаты о гетерохронности напряжения и защит у мальчиков и девочек, что косвенно подтвердило выдвинутую нами гипотезу. Однако в целом картина оставалась не совсем ясной. Можно было бы отказать от причинного принципа объяснения интересующей нас динамики и прибегнуть к другому объяснительному принципу, например, к принципу синхронистичности событий, описанному К. Юнгом (Юнг, 2003), но, нам думается, что в данном случае он позволяет лишь констатировать наличие синхронной динамики, но не объясняет наличия синхронности при отсутствии причинности.

Понимание того, что между напряжением и защитами должно находиться «переходное пространство», особая реальность, через которую может быть проложен путь к механизмам Эго, пришло после осознания довольно очевидного факта, что напряжение и защиты являются феноменами разного уровня функционирования. Психосоматическое напряжение подобно «свободно плавающей тревоге», которая не имеет определенного формата и нуждается в специальной проработке. Без процедуры проработки невозможно выбрать адекватные средства совладания с этой проблемой. Именно поэтому для того, чтобы были запущены защиты, необходима трансформация напряжения в такие психические реалии, которые

могут быть эквиваленты защитному поведению. По-видимому, существуют разные способы «канализации энергии», мы остановили свое внимание на состоянии фрустрации.

Психологическая интерпретация фрустрации, страха, вины однозначно не связана с негативными переживаниями. Известно, например, что чувство страха не обязательно бывает болезненным. Напротив, отсутствие страха, как полагал З. Фрейд, следует относить к тревожным симптомам и рассматривать в качестве признака болезни. Человек, никогда не испытывающий страха, наивен и легкомыслен. Не получая сигнала тревоги, он обрекает себя на опасности, которые часто встречаются в жизни и к которым, безусловно, надо быть готовым. Страх, по мнению многих философов и психологов, – признак одаренного разумом человека, тот фактор, благодаря которому выражается «забота» по отношению к личности. Комментируя свои высказывания по поводу фрустрации, Рене Шпиц пишет, что она является неотъемлемой частью развития, наиболее мощным катализатором эволюции, каким только располагает природа. «Сталкиваясь с постоянными фрустрациями, ребенок достигает все большей степени независимости в течение первых шести месяцев и становится все более активным в своих отношениях с внешним миром, как одушевленным, так и неодушевленным» (Шпиц, Коблинер, 2000, с. 153).

С нашей точки зрения, стимулирующая роль фрустрации состоит в ее особом переживании субъектом, который вынужден искать причины состояния неудовлетворенности, анализировать степень его тяжести, осуществляя ретроспективный и перспективный анализ проблемы, наполняя это состояние содержанием, символизируя его. Только в результате подобных процедур возможно актуализировать такие защиты, которые оградили бы подростка от сверхвысокого напряженного состояния.

Полученные нами результаты показали, что уровень напряжения определяется не только психофизическим состоянием подростка, но и его прошлым опытом, опытом совладания с трудностями. Подтверждением этих результатов стало выделение особой группы подростков (3 кластер), которые на протяжении исследуемого периода имели стабильно высокий уровень напряжения. При этом было доказано, что фактор полового созревания также вносит свой вклад к динамике психосоматического напряжения, иначе различия между подростками с аномалиями и без аномалий полового развития не были бы выявлены. Устойчивый уровень напряжения у девочек с синдромом Шерешевского–Тернера позволил обнаружить особую изменчивость напряжения при разных типах взросления –

женском (1 кластер) и мужском (2 кластер). U-образный характер динамики напряжения в обоих выделенных группах (рисунок 1) демонстрирует типичную для психологических исследований картину. В данном случае снижение напряжения в 13-летнем возрасте может быть объяснено двумя причинами: у девочек – следствием высокого напряжения в 12-летнем возрасте, эффектом обратного действия, у мальчиков – эффектом ожидания, предвосхищающим скачок напряжения в 14/15-летнем возрасте.

Выявленные нами зависимости между фрустрацией потребностей и психологическими защитами позволили сформулировать новую гипотезу, которая нуждается в специальной проверке. Суть этой гипотезы состоит в том, что в 13–15-летнем возрасте состояние напряжения будет реализоваться не только через систему потребностей и степень их фрустрированности, но и через целый ряд внутренних конфликтов, которые в 12-летнем возрасте были зафиксированы всего у нескольких подростков. Перспективным является изучение контекста, в котором разворачивается динамика напряжения и защит, т. е. исследование специфики объектных отношений подростка, а также анализ конкретных защит, которые являются маркерами глубоких личностных изменений.

Выводы

- 1 Установлено, что уровень психосоматического напряжения зависит и от темпов полового созревания, и от индивидуальных особенностей подростка, которые определяются опытом его взросления. Чем выше и стабильнее уровень напряжения, обусловленный индивидуальным опытом, тем слабее динамика напряжения в период полового созревания.
- 2 Различия в динамике психосоматического напряжения обусловлены гетерохронным характером развития мальчиков и девочек, в связи с чем наиболее высокий уровень напряжения у девочек отмечен в 12 лет, а у мальчиков – в 14 лет.
- 3 Прямая связь между уровнем психосоматического напряжения и уровнем психологических защит отсутствует вследствие того, что они представляют разные области психической реальности и поэтому могут быть связаны только опосредованно.
- 4 Опосредованная связь между уровнем психосоматического напряжения и уровнем защит обеспечивается реализацией напряжения в форме фрустрированной потребности, т. е. в виде препятствия, которое способствует трансформации «свободно плавающей тревоги» в более осознанные и содержательно наполненные переживания.

Литература

- Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито–Центр, 2002.
- Беллак Л., Абт Л. Проективная психология / Пер. с англ. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника / Пер с франц. А. Ш. Тхостова. М.: Изд-во Московского университета, 2001. Вып. 7.
- Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005.
- Гуркин Ю. А. Гинекология подростков: Руководство для врачей. СПб.: ИКФ Фолиант, 2000.
- Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003.
- Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 1996.
- Райская М. М., Ростягайлова Л. И. Клинико-психологическое исследование больных с аномалиями половых хромосом. М.: Труды Моск. научн.-иссл. института психиатрии. 1970. Т. 62. С. 256–259.
- Русалов В. М. Модифицированный личностный опросник Айзенка. М.: Смысл, 1992.
- Саммерс Ф. Л. За пределами самости: Модель объектных отношений в психоаналитической терапии. М.: Когито-Центр, 2007.
- Харламенкова Н. Е., Соловьева А. В. Уровень психического напряжения и типы защит в норме и при аномалиях развития // Научный поиск: Сб. научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под ред. проф. А. В. Карпова. ЯрГУ, Ярославль, 2006. С. 284–292.
- Харламенкова Н. Е., Соловьева А. В. Динамика психологических защит подростков с разным уровнем полового созревания // Психология совладающего поведения: материалы Междунар. научн.-практ. конф. / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Т. Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. С. 163–165.
- Харламенкова Н. Е. Компенсация и ее особенности при аномалиях полового развития (В печ.).
- Шпиц Р., Коблинер В. Г. Первый год жизни. М.: ГЕРПУС, 2000.
- Юнг К. Синхрония. М.: Изд-во «Рефл-бук», изд-во «Ваклер», 2003.
- Ross J., Zinn A., McCauley E. Neurodevelopmental and Psychosocial Aspects of Turner Syndrome // Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews. 2000. Vol. 6. N 2 P. 135–141.